

...Подкармливаю музыку стихами, в мозгах – музей от мамы
до любви,
 Которая краснела коготками и смешивалась с запахом айвы,
 Мешалась с поцелуями до света, и жизнь пила, и пела петухом,
 Стихотвореньем офицера Фета нас на заре не мучила... Кругом
 Цвели цветы в роскошных опереньях: я вру сейчас, а кто
не врал вчера?
 Шептала ты о мыслящих растениях, цвели мозги до самого утра.
 ...Подкармливаю музыку и снова бросаю взгляд в прошедшие миры:
 Я – космонавт постпушкинского слова, я – огонёк
постблоковской поры.
 ...Включаю свет... и снова выключаю, и музыка стоит над головой.
 К исходу дня, к бутылочному чаю стекает жизнь рифмованной игрой.
 Цветёт апрель и – вспыхивает к маю: мне с китайкой было хорошо
 Царапать ад, притискиваться к раю, шептать на ухо дьяволу: ещё...
 ...В мозгах – музей вчерашнего... кладовка: фрагменты,
сновидения, дары,
 Билет в кино, от счастья упаковка, и лёгкий свет, и яркие шары...

Мост Сен-Мишель

Кепарь вместо нимба на старой башке
 И нечто в ушах, чтобы вникнуть
 В Рембо: подключиться к весёлой тоске,
 Знакомые строфы окликнуть.

Я что-то хотел подсказать сам себе,
Запутался в беглых глаголах,
Как будто в смешной и обманной судьбе,
В своих существительных голых.

Плюс 30 в безоблачном полдне. Жара
Стоит парадизом по-галльски,
В который иголки вгоняет хандра,
Чтоб выхватить ключик кастальский.
Стою на мосту, где однажды Фролло
Феба уколошил кинжалом! –
Я точно в волшебное глянул стекло,
Прохваченный временем старым.

Я как-то хотел объясниться с баржой,
Со смертью, глядящей собором,
С химерой-метафорой, смертной водой –
Единственным словом, с которым
Сумел разойтись на мосту Сен-Мишель,
На мостик Менял засмотревшись.
Блуждающим взглядом лова цитадель,
С какой-то подробностью спевшись,

Хотелось Бодлеру нелепый стишок
Оставить – забавный подарок,
В котором гуляет то сбивчивый слог,
То дактиль любви без помарок,
А то амфибрахий влезает, как тать,
Подстёгнутый не алкоголем.
И музы – давай стихотворцу шептать
И мучают счастьем, как горем.

Северные ворот

Щекастый гномик музыку корпит:
У дудочки бамбуковой везенье...
Какой опять невидимый пиит
Вышёптывает мне стихотворенье?
В четвёртый раз затягивает снег,
С подземным сочинителем не споря, –
Который где? Который – саундтрек
Фантазий холоднеющего моря?
В четвёртый раз заваливает снег,
По буквочке становится счастливо:
Я слышу твой с иголочками смех,
Я вижу свет... Я вру неторопливо...
В четвёртый раз у Северных Ворот
Маяк захвачен действием небесным,
Приговорён буксирный пароход
Бессмертием? – безмолвием воскресным.
В четвёртый раз шарманку крутит снег,
Расплещем жизнь в слабеющее небо,

Я слышу твой с изюминкою смех
У маяка, смотрящего налево.
...Текут слова, за музыкой плывут
Смятением приправленные крыши,
Неместный ангел? Гномиков приют?
Светильник зажигает кто-то выше...

* * *

*Ладно, ладно, детки, дайте только срок.
Будет вам и белка, будет и свисток!*

Алексей Плещеев

Цвета манго и мускатной дыни
Снился остров. Снились острова.
Снилась жизнь таких авиалиний,
От которой лучшая халва
И во рту, и на большой тарелке,
Только вот тарелка эта где?
Я проснулся. Ни свистка, ни белки...
Только осень старая везде.

* * *

Тончайший шорох листьев... Скоро нам
Невидимый опустит осень... Осень
Уже дохнула музыку ветрам,
Две стрелочки свела на цифре восемь.
К замостью фиолетовая мгла
Спешит на крыльях ангелов и птичек.
Ты теплоту легко с собой взяла,
Как несколько живительных страничек,
В которых ты так обольщала, что
Всё становилось образным и скрытым:
Закат стоял в костюмчике бордо,
Вышёптывал то музам, то харитам,
Которым было не до нас. Звезда
Выглядывала с дикостью такою,
Что нагота светилась без стыда
По Модильяни: белою рекою,
Темнея треугольником волос,
В молчании, которого хватало
На темноту, на летний дождик слёз,
На горний свет мажорного хорала,
Живущего в голландском сидюке,
Как гномики в дремучем подземелье,
На светик в постаревшем ночнике
И коду меланхолика Корелли,
Который – листья, шорохи, слова
Не Самого, так ангелов и птичек...
На ноготок везения – сперва,
Потом – на холод бархатных ресничек.

Портрет

В его шкафу скелеты как на выбор: в ночное время – тема хоть куда,
С бессонницей в обнимку (бес подсыпал) он из забытых
лепит города,
Открыв не дверь, но – щели Мнемозины, в которых то,
что изменить нельзя.
Стекаются забытые картины: стыдом прошиты эти паруса
Подробностей, стоят тенями возле дивана в клетку,
мёртвых словарей,
Масаи из ироко в странной позе, каких-то керамических коней.
В 4:20 демиург руками поводит странно, как лесной друид,
И – визави в зеленоватой раме, присмотришься, губами шевелит
И скалится, и обещает бездну, не бутафорский мрак,
но – шумный ад,
Как менестрель затягивает песню: слова Аида, музыка – впопад
Сюжету, что ворочается возле и демоном коричневым плывёт
(Что непонятно, объясню я после, возможно, дальше
расшифрую код).
Живее кто? Портрет? Его хозяин? Скелеты расшущукались в шкафу
И высушенный челюсти раззявил. Мотив стишка соткался на фу-фу.
Вот-вот герой покинет стены эти и выйдет в дверь,
как вариант – в окно...
Нигде не высоко на белом свете. Всего лишь шаг и – каменное дно.

Голов сновидений

В голове сновидений смеётся философ Хома.
Он женился на панночке: клады, офшоры, дома...
Вся нечистая сила с Хомой корешится повсюду.
У него на посылках каморра проворных чертей –
Так стараются, что валит дым из стоячих ушей,
Засыпают валютой иуду.

Комариные бесы несут сулею ведьмаку
Да вишнёвую люльку к пропахшему злом очагу,
На стене роковое сиянье звериных шестёрок.
Сладко демоном жить: белоручек-русалок иметь,
Распухать языком чернокнижья, ломая комедь,
Выдыхая то – Omen, то – Moloch.

Яд виверны давать от простуды шершавым кентам –
Монструозным кентаврам, мешающим бром и агдам
(Лошадиные уши, а фейсы страшил бородаты).
В голове привидений жирует отступник Хома,
Смотрит месяц галушкой, свисает широкая тьма
И скрывает вампирские клады.

«Полетай – говорит он ведьмáчке – в шикарном гробу, –
Тряхани стариной! – новобрачную вспомним судьбу,

Забабашим полёт, предадимся бездумному чувству», –
Так три ночи банкетят, играют в игрушки свои,
В перерывах, как в сгнувшем прошлом, гоняют чай,
Колдовство приближая к искусству.

Ставят лайки «ВКонтакте» то старому сотнику, то
Неприкаянной птице, летящей в старинном пальто:
Вариант – в макинтоше, плаще, титулярной шинели.
В общем – всё как всегда: сочинитель на коде припух,
Словно бы очертил в ветхой церкви спасительный круг...
На запоре кондовые двери.

Полнолуние

*...большой красный дракон с семью
головами и десятью рогами, и на головах
его семь диадим.*

Откровение Иоанна Богослова

Зимой он смотрит, как змеёй зима
Затягивает раны переулка,
И белый колер напрягает тьма,
И крепкий ветер голосом придурка
О смерти говорит, с которой жизнь
Так корешит, как панночка с гробами.
Он смотрит с 19-го вниз:
Весь снежный двор заполнен мертвецами
И полумертвецами: дышат, а?
Где неотложка с дошлым айболитом?
Из мира параллельного сюда,
По курсу каббалистики, транзитом
Влетают те, кто молятся ему –
Полмира разводящему дракону,
И засевают мандрагорой тьму,
И посылают к речнику Харону.
...Он впитывает темень, как сюжет:
Огромный шар, в котором скорпионы,
Клубок из чудищ недоступных недр,
И – ряд второй – когтистые грифоны.
Он долго смотрит... становясь другим,
Нанизывая глюки полнолуныя,
И будто кто-то говорит над ним –
Смеётся в чёрном тощая колдунья?
Морана в тёмном, бабушка с клюкой?
Он шепчет заклинания, и монстры
Бегут в Полтаву быстрою рекой
К приспешникам уездной коза ностры.
И – остаются мальчик и старик
В одном флаконе, правильное – в теле,
В котором жизнь смертельнее, чем стих,
В котором смерть привычнее свирели.

Neurasthenia (н безлюдной улице)

...Всё то, что для Безносой хэппи-энд,
Всё в сильном небе запросто сегодня:
Вот крупный план, вот тучи кинолент
И тусклый свет... Вот соечка Господня
Махнула мне? Придумал для себя
Я жизнь во тьме. Последним идиотом
Я там, где одинокая судьба,
Где фатум-рок глумится старым жмотом.
...Ты жив, мудак, и видишь столько, что –
Всё ближе Стикс и Лета с каждым вздохом...
Поправь кашне и запахни пальто,
Приметь фонарь и – продвигайся с Богом.

М я к н мысе

*Забуть континентальные слова:
Смешение архаики и сленга.
На мысе пахнет яблоком трава
И яблоком одна аборигенка...*

Сбежать с материка. Сойти на мысе,
Почти необитаемом. Почти.
И выкинуть завянувшие мысли,
Как некогда вчерашние цветы.
И написать люпиновые письма
Тем мертвецам, с которыми на «ты»
Бывал, когда – соломенные листья
Ложились в запустенье темноты.

И домолчаться до условных знаков
Из мира параллельного, когда
Текут к созвездьям сны архипелагов,
Консервной банкой смотрится звезда.
И маяку сложить стихотвореньё
О маяке, сигналищем во мгле:
Схватить на дактиль чудное мгновенье –
Свет корабля, как память о земле,

Которую оставил по причине
До йоты непонятной самому...
Стать зверем? Птицей? В сумрачной картине
Словариком, сверкающим во тьму? –
Хореем маяка, спондеем мыса,
Отшельником пропавшим навсегда?
Не ждущего с авиапочтой письма,
Забившего вчера на города...

Ступает Никта. Некто держит мир.
Озёрный парк в полночное отплыл...
Бредут шуты и сны Иеронима:
Знакомый в красном, в синем интроверт,
На колесе из пекла катит смерд,
Присел закат на крыше анонима.

Сказания библейские в кустах
Тёмно-зелёных, тянет когти Страх,
В пахучей мгле забудешь имя девы,
С которой жил на крепких берегах,
Ловил снега, кутил на облаках,
Как сын Адама, попалался в дебри:

То – Змий меня, то – местный василиск
Читать учили бестиарий. Диск,
Желтеющий вверху, до йоты в теме.
Великий бес над нами молча ржёт,
Листает бред да кушает компот
Из сухофруктов: старый мерин в теле!

Ступает Никта. Некто держит мир.
Художник свет лютнисту потушил,
Пророчества в подушку сунул детям.
Что бросит нам? Что высмотреть пора? –
Алхимия морочит до утра...
По курсу мифологий и приметам –

Кому – лафа, кому – нескучный ад,
Жужжащий мухой и встающий над...
...Как по приказу души танцевали,
Впуская то, что днём бы никогда...
Кричат зверьём в потёмках поезда,
И мы зверей, как музыку, прощали.